

О КОНЦЕПЦИИ И СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЯМИ В РОССИИ¹

Михаил Решетников

Ректор Восточно-Европейского института психоанализа
доктор психологических наук, профессор (rector@oedipus.ru)

Реально ли оценивается ситуация?

Изучение данных о количестве наркоманов в России, которые приводятся в аналитических записках и отчетах самых авторитетных источников (профильных институтов РАН, Национального научного центра наркологии и Минздравсоцразвития РФ) вызывает недоумение. В одних указывается, что на 2003 год в стране зарегистрировано около 487 тысяч наркоманов, а чуть дальше в том же тексте отмечается, что 803 тысячи подростков и молодежи в возрасте от 11 до 25 лет проходили лечение от наркомании; в других приводятся данные о 343 тысячах наркоманов, а число подростков, злоупотребляющих наркотиками, определяется всего в 16 тысяч и т. д. Хотя, к чести авторов этих данных, практически во всех случаях подчеркивается, что точных данных нет ни у кого, и реальное количество наркоманов, вероятно, в десятки раз больше (3–4 миллиона). И только в социологическом исследовании представленном профессором Ф.Э.Шереги² достаточно убедительно обосновано, что в России на 2004 год систематически (как минимум, 2–3 раза в неделю) употребляют наркотики 6 миллионов человек, из которых 4,2 миллиона приходится на возрастную группу 11–25-летних. Плюс еще 7 миллионов тех, кто пробовал наркотики. Если учесть, что суммарное количество населения последней возрастной группы составляет около 34 миллионов человек, то общее число «пораженных» составляет чуть меньше 30%. Одновременно отмечается рост женской наркомании — за 1991–2003 годы в 14,4 раза. А по данным уже упомянутого доклада Ф.Э.Шереги, только у 11-25 летних россиян расходы на приобретение наркотиков за два года (с 2002 по 2004) выросли с 1,7 миллиарда долларов до 2,7 миллиарда долларов.

В 2001 году Президент России уже объявлял это национальной проблемой, но пока нет ощущения, что обращение Президента было адекватно воспринято всеми ветвями власти и обществом.

Главный вопрос в такой беспрецедентной ситуации: с чего начать? Ведущие специалисты Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков отмечают, что уже поставлена задача создания единого «банка данных» по наркоманам. Но, как представляется, для начала нам нужен не единый банк данных, а единая, научно-обоснованная методика и система учета. И разработку этой системы было бы целесообразно поручить межведомственной комиссии ученых, чтобы избежать узко «сфокусированных» интересов. Нет сомнений, что все российские министерства, государственные комитеты и федеральные службы заинтересованы в искоренении этого зла, но «бюджетный фактор», вне сомнения, всегда будет вызывать определенные «искажения» в подходах, предложениях и интерпретациях статистических данных.

Поскольку точных данных, повторим еще раз — нет ни у кого, мы будем вынужденно апеллировать к ориентировочным цифрам, которые сильно, иногда на порядок, отличаются у различных авторов, но все-таки позволяют улавливать некоторые тенденции.

Применим ли стандартный подход?

Что обычно предлагается для борьбы с распространением наркоманий? Перечислим тезисно: воспитание молодежи и пропаганда здорового образа жизни для «неинфицированной» части населения; развитие учреждений культуры и спорта; активное выявление, лечение и реабилитация наркоманов; ограничения на прием наркоманов в военные учебные заведения и их призыв в армию; создание научных центров для изучения проблемы и разработки методов лечения; расширение подготовки специалистов-наркологов и сети наркодиспансеров; ликвидация перевалочных баз, подпольных лабораторий и посевов «производителей»; ограничение доступа к прекурсорам, без которых производство невозможно; тюремное заключение наркокурьеров, крупных поставщиков и торговцев-оптовиков; пресечение трафика на таможне и передачи наркотиков по другим каналам; замечания за «нехорошее поведение» и постановка на учет мелких дилеров...

Таким образом, проблемой вроде бы занимаются, как минимум: Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Министерство здравоохранения и социального развития, Министерство образования и науки, Министерство культуры и массовых коммуникаций, Министерство информационных технологий и связи, Министерство транспорта, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство сельского хозяйства, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Федеральная служба охраны, Федеральная служба государственной статистики, Федеральная таможенная служба, Федеральное агентство по физической культуре и спорту, комитеты по делам молодежи, ГУИИ, и т. д., включая различные департаменты Правительства РФ. И это, вероятно, еще не все. Остались неупомянутыми — Государственная Дума и Совет Федерации РФ, которые разрабатывают законы, и Правительство РФ, которое реализует государственную политику, а также Православная церковь и все другие, действующие в России, конфессии. А в итоге у семи няnek «дите» так и остается с резко суженными от наркотиков зрачками. Почему?

Потому что никакой реальной государственной политики все еще нет. Нет единого понимания этого социального зла и нет единого координирующего органа. Нет количественно и качественно адекватных специалистов по борьбе с распространением наркотиков по всем направлениям. Силы и средства распылены, действия не скоординированы и т. д. А традиционные подходы, включая перечисленные выше, хотя и преследуют вроде бы благие цели, как представляется, во многом отражают сугубо ведомственные взгляды, подходы и интересы (в том числе — бюджетно-зависимые), а в итоге проблема «растворяется» в количестве ответственных за ее решение. Но даже не это главное. Самый важный вывод состоит в том, что пока еще борьба с неуклонно растущей опасностью распространения наркоманий не стала проблемой всего общества, и никакая отдельно взятая структура не способна решить эту проблему без широкой общественной поддержки, а также — без опоры на скоординированные действия всех специальных служб и подразделений.

1 Полный текст доклада, сделанного на заседании Экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ (Москва, 19 апреля 2005 года).

2 Профессор Франц Эдуардович Шереги — директор Центра социологических исследований Федерального агентства по образованию (Москва).

Каждый из аспектов этой проблемы еще будет проанализирован ниже, а пока приведем только один пример и конкретное обоснование сказанному. По данным десятилетнего мониторинга, проведенного ведущими специалистами Санкт-Петербурга совместно с двумя научными центрами США³, заболеваемость опиоидной наркоманией (преимущественно — героиновой) в Ленинградской области за 1991-2001 годы увеличилась более чем в 50 раз. Но затем она резко уменьшилась — в 2,5 раза в течение 2002 года, и еще больше — в 2003 и 2004 годах. В чем причина такого успеха? Авторы этого системного исследования отвечают на этот вопрос предельно четко: это не результаты лечения, пропаганды или воспитания, развития учреждений культуры или спорта и т. д., а прямой результат «уменьшения поставок героина в регион и работы правоохранительных органов»⁴, а также — распространения на «рынке» более легких наркотиков...

Здесь следует отметить, что, несмотря на отмеченное «снижение» заболеваемости, смертность от наркоманий в Ленинградской области только с 2002 года по 2004 выросла более чем в 3 раза. Так что, здесь можно говорить и о некоем «латентном» периоде, а также ряде других причин, о которых будет упомянуто ниже.

Что нужно сделать прежде всего

Казалось бы очень простой вопрос. Но именно его решение является ключевым. Прежде всего, требуется ясное понимание и представление проблемы во всем ее многообразии. Его нет, и возмущает на себя смелость сказать — даже у специалистов-наркологов, а уж тем более у тех, кто принимает решения. Второй важнейшей составляющей следовало бы назвать наличие твердой политической воли, направленной на искоренение этого зла. Ее тоже пока нет или она существует сугубо декларативно. Уже после этого требуется разработка государственной стратегии, и надделение единого государственного органа управления (Госнаркоконтроля) более широкими полномочиями для реализации этой стратегии, а также подготовка специалистов для ее реализации.

Последний аспект следовало бы выделить отдельно: речь идет о высокопрофессиональном менеджменте по многодесятилетней борьбе с распространением всех видов наркотических веществ.

Считается, что от наркоманий и связанных с ней факторов умирает около 70 тысяч человек в год. Но последняя цифра абсолютно не отражает реальную ситуацию, так как вообще не учитывает такие «традиционные» и органически связанные с наркотизацией общества факторы, как алкоголизм и курение. По данным Роспотребнадзора, ежегодно от причин, связанных с курением, в России умирает 270 тысяч человек, а смертность, связанная с алкоголем, оценивается в 400–700 тысяч человек в год. В сумме — около 1 миллиона различных категорий наркозависимых в год. И наркологи, и те, кому предписывается надзирать за оборотом наркотических веществ, должны обладать всей суммой знаний, как по отдельным видам наркотиков и их обороту, так и по всей их совокупности, включая «перспективные разработки» в этой сфере.

Теперь еще раз вернемся к идее менеджмента, и начнем с того, что ежегодно в России (данные опять же — весьма приблизительные) на дорожно-транспортных происшествиях погибает около 35 тысяч человек, а в процессе

антитеррористических операций — около 15 тысяч военнослужащих. Несравнимо меньше, чем от наркотических веществ. Но для предотвращения ДТП и антитеррористической деятельности мы готовим профессионалов в специальных (преимущественно — военных или военизированных) учебных заведениях, а для всего комплекса антинаркотической деятельности специалистов, по сути, не готовит никто — это, в основном, практики, постепенно набирающиеся ума и опыта уже на рабочем месте, а также в процессе краткосрочных переподготовок; и при всем уважении к тем, кто имеет мужество служить в этой далеко не престижной и небезопасной сфере, дилетантизма в ней более чем достаточно, а спецов — недопустимо мало. Нам нужны специальные учебные заведения для офицеров наркоконтроля. Потери от этого зла сопоставимы с боевыми в ходе крупных военных операций. И полупрофессионалы здесь бесполезны.

Что дают обществу знания, пропаганда и ошибки в наркополитике?

Уже несколько десятилетий сотни и тысячи ученых, государственных и общественных деятелей, правительственных и неправительственных организаций во всем мире ведут пропаганду и представляют убедительные научные доказательства вреда курения. Стало ли курящих меньше? Кое-где стало, у нас — нет. Объем продаж табачных изделий (от самых низкопробных до элитных) растет, хотя все, включая несмышленых младенцев, знают, что курить вредно.

Во-первых, здесь абсолютно не действует компаниящина, например, дни или месячники без курения. Здесь нужно мыслить категориями не год, не два, и не от выборов до выборов, а десятилетиями. Например, в США, где пропаганда, законодательство, полиция и общественные организации согласовано работают над снижением количества курящих, их число среди взрослых сократилось в три раза (с 75% до 25%), но — за 40 лет! То есть на 1–1,5% в год. Соответственно сократился и оборот, ставшего гораздо более дорогим (менее доступным) и качественным, табака. Но в целом, мы должны признать, что, как минимум, в отношении 25% популяции, действуют некие психические механизмы зависимостей, где методы просвещения и убеждения не дают никаких результатов. А убеждение в пагубности «вредных привычек» — на одной стороне рекламного щита, и завлекающая реклама на другой — это самая яркая демонстрация моралитета современного общества и еще одно подтверждение того, что там, где сталкиваются интересы крупного капитала и гражданина, последний всегда проигрывает, а либерально-демократические подходы, единые для социально-значимых и социально-пагубных товаров, всегда оказываются более благоприятными именно для последних. Это положение может быть изменено только государственным регулированием и законодательными ограничениями, включая специальное законодательство в отношении производства, дохода и прибыли, рекламы, распространения, ценовой политики и т. д. применительно к социально-пагубным товарам. А в отношении некоторых из них, таких как наркотики, должен быть введен полный запрет на их немедицинское применение.

Неужели непонятно, что «демократически» разрешив гражданам приобретать и иметь при себе определенную (не преследуемую законодательно) дозу, мы тем самым

3 Кривицкий Е. М., Звартау Э. Э., Лиознов Д. А., Цой М. В., Егорова В. Ю., Беляева Т. В., Антонова Т. В., Николаенко С. Л., Браженко Н. А., Загдын З. М., Вербицкая Е. В., Карандашова Г. Ф., Славина Т. Ю., Титова Н. М., Гриненко А. Я., Яковлев А. А., Виноградова Е. Н., Самет Д., Вуди Д. Ко-морбидность инфекционных и наркотических заболеваний в контексте проблемы наркотерроризма / Материалы Конференции «Гуманитарные стратегии антитеррора. Психология фанатизма, страха и ненависти». — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, в печати.

4 На первое место, все-таки, думаю, нужно поставить уменьшение поставок, и, не принимая заслуг МВД — не за счет деятельности правоохранительных органов. С лета 2001 по 2002 год было зафиксировано значительное снижение посевов, производства и поставок героина из Афганистана (откуда СЗФО получает до 80% всех наркотиков), что объяснялось политикой талибов, стремившихся в тот период получить признание в мире в качестве реальной политической силы.

(по умолчанию) узаконили продажу, поставки и распространение наркотиков? Более того, мы тем самым сообщили обществу: это можно! Почему бы, идя тем же — «демократическим» путем, не узаконить минимальную сумму, которую можно красть, или минимальные телесные повреждения, которые можно причинять кому угодно безнаказанно? Это вопрос уже даже не законодательства — он глобальнее: это вопрос государственной морали, которая должна быть выше общественной, тем самым, предлагая обществу социальные образцы.

К чему приводят законодательно разрешенные минимальные дозы и, как следствие, узаконенный наркорынок, наглядно демонстрирует голландский опыт. В свое время голландская наркополитика исходила, казалось бы, из логичного, но, на поверку — ложного тезиса о том, что разрешив свободную продажу легких наркотиков (типа каннабиса), можно будет разделить наркорынок на легальный и нелегальный, а также сосредоточить силы и средства борьбы на нелегальном обороте «тяжелых» препаратов. В итоге (что естественно), ничего путного не получалась, а страна превратилась в крупнейшего производителя и мировой «транзитный пункт» распространения всех возможных видов наркотиков, не говоря уже о том, что никакого снижения потребления героина или кокаина в Голландии не произошло⁵.

Как представляется, между разрешением свободной продажи легких наркотиков и законодательным «позволением» иметь при себе небольшую дозу тяжелого (как в России), особой разницы нет.

Еще несколько слов о пропаганде. Действенная пропаганда, даже если она совпадает с национальными и индивидуальными устремлениями граждан, стоит всегда очень дорого. Но, как уже отмечалось, даже очень хорошо продуманная, профессиональная и финансово обеспеченная пропаганда, как свидетельствует мировой опыт, дает снижение потребления табака или наркотиков не более чем на 1–2% в год. Нужно ли ее вести при росте в сотни процентов? Вне сомнения — нужно. Нужно ли тратить на нее миллионы? Нужно. Даже ради этих 1–2%. Но нужно понимать, что это очень дорогостоящая гуманитарная акция, рассчитанная на будущие поколения, которая очень мало скажется на актуальной ситуации.

Эффективная антинаркотическая политика без пропаганды невозможна: иначе ее не будет поддерживать общество, которое должно согласиться с доводами ученых, государственных и общественных деятелей и понять, почему оно должно от наркотиков отказаться. Если же вводить жесткие меры без постоянного и талантливого разъяснения, то получится, как в случае с лигачевско-горбачевской антиалкогольной реформой или как у Госнаркконтроля с кетаминем: все от всего сердца жалеют бедных животных и ветеринаров, и от всей души ругают Госнаркконтроль, хотя ничего и не поняли.

Пропаганда — всего лишь часть, но необходимая часть эффективной наркополитики. И здесь также требуются (утраченные в постсоветский период) талантливые специалисты.

Общественное мнение

или общественное недовольство?

Было бы неверно не упомянуть, что когда пропаганда ведется первыми и достаточно авторитетными лицами государства, которые определяют общественное мнение, как это было в случае деятельности супругов Нэнси и Рональ-

да Рейган в период президентства последнего в США, снижение потребления психоактивных веществ за 5–6 лет может достигать 20% (то есть, уже около 3–4% в год). Но готов ли кто-либо из первых лиц государства у нас взяться за решение этой проблемы со всей страстностью, как это сделала Нэнси Рейган?

По непонятным причинам, запрет на употребление наркотиков почему-то связывается с ограничением демократических свобод. А почему бы не спросить общество — хочет ли оно свободы в этой сфере? Согласно ли оно с законодательным оформлением права на ношение с собой и, следовательно, разрешение на приобретение и употребление даже минимальных доз? Как вообще можно приобрести то, что не продается? Здесь нет призыва «пересажать» всех, кто употребляет наркотики. Эти люди и так наказаны, они и без того — пожизненные узники. Но от «ломок» случаи смерти не часты, во всяком случае — их частота не сопоставима с количеством смертей от передозировок. И если наркотики нигде будет найти, то этих смертей не будет. Учитывая пугающий рост наркоманий и растущее недовольство в обществе, можно предполагать, что если не будет новых законодательных инициатив, то здоровая часть общества сама «предложит» определенное самоограничение свобод и, не исключено — уже другим законодателям. Мы забыли о том, что в России были антиалкогольные бунты. Пока с обществом преимущественно заигрывают, обсуждая с ним методы борьбы с наркотиками, но уходя от обсуждения целей. Если целью действительно является общество без наркотиков, то понять современное законодательство просто невозможно. А партии и общественные организации еще не сказали здесь своего веского слова.

Преодолим ли разрыв между знанием и властью?

В том, о чем говорится в этом разделе, нет личной обиды на кого-либо. Есть только ощущение тщетности усилий. В июне 2004 года в связи с подготовкой поправок к законопроекту «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», мной было направлено письмо в адрес Президента РФ, где обобщались некоторые аспекты мирового опыта и *экономических подходов* к регуляции производства, сбыта и потребления алкоголя. Основные составляющие этого опыта, позволившие ранее спивавшимся странам, типа Швеции, Финляндии и Норвегии в течение 30–40 лет снизить объемы производства алкоголя в 10–50 раз, количество торговцев спиртным — в сотни раз, а потребление на душу населения в 3–10 раз, включали:

1) признание, что алкоголизм не столько медицинская, сколько экономическая и социальная проблема;

2) признание государством своей моральной ответственности за алкоголизм;

3) относительная монополизация производства алкоголя под строжайшим контролем государства за его качеством и реализацией;

но — самое важное:

4) ограничение прибылей акционеров питейного дела пятью процентами (остальное — в бюджет); и

5) резкое ограничение на получение прибыли от продажи спиртных напитков перекупщиком и продавцом.

К письму отнеслись самым серьезным образом: по нему было подготовлено Поручение Администрации Президента

5 Более того — идет активное заражение «развитой нарркокультурой» соседних стран. В 2005 году мэр Гааги выдвинул идею перемещения основной массы «кафе-шопов» (проще говоря — наркопритонов) из центра поближе к бельгийской границе, так как преступность в них ужасающая, а люди из Бельгии все равно едут в Гаагу на «нарко-уик-энд», поэтому, по мнению мэра, пусть уж лучше сразу на границе отовариваются и одурманиваются, и не мешают жить добропорядочным гражданам Гааги. Самое главное в этой зарисовке: мэр не ставит под сомнение ошибочность государственной наркополитики, «обратный ход» в подобных ситуациях всегда дается труднее.

РФ (№ А26-11-225957/08/07/2004), а также Аппарата Правительства РФ от (22.07.04 № П9-15506). И уже в августе автор обращения получил ответ Федерального агентства по сельскому хозяйству (№ МА-6/804 от 20.08.04), где от имени Министерства экономического развития и торговли РФ и Министерства финансов РФ сообщалось, что «ограничение прибылей акционеров питейного дела и резкое ограничение на получение прибыли от продажи спиртных напитков перекупщиком и продавцом <...> в настоящее время не могут быть поддержаны, так как это приведет к ограничению конституционных прав юридических и физических лиц» (бланк, подпись — все, как положено).

Вряд ли требуются комментарии. Неужели так трудно понять, что внеэкономические меры, также как и увещания при сотнях процентов прибыли ничего не дадут? И чтобы не говорили о планах, бюджете и успехах, никогда не поверю, что может стать богатой или демократической последовательно спаивающаяся страна. И так будет до тех пор, пока знаниями владеют одни, а правом принятия решений — другие.

Зачем мы скрываем смертность от наркотиков?

В России, как и во многих других странах, смертность соотносится с наркотиками только в случаях, когда она связана с передозировкой. А если к этому добавить суициды наркоманов, убийства других лиц, совершаемые наркоманами, автопроисшествия в результате употребления «легких препаратов», все случаи преступлений в сфере оборота наркотиков и в погоне за средствами для их приобретения, пожары, возникающие на почве «наркотического опьянения» и т. д., то статистика окажется совершенно иной (думаю, на порядок больше).

Хотя, боюсь, что для реальной статистики у нас не достаточно политической воли и просто средств. Водитель, совершивший ДТП обязательно подвергается пробе на алкоголь. А преступники лишь в особых случаях (обычно, и без того ясных) — пробе на наркотики. Да, это стоило бы не дешево. Но может мы и не заинтересованы в реальной статистике. Почему?

Эта реальная статистика станет еще более удручающей, если мы прибавим сюда, как минимум, 60% случаев смерти от СПИДа, гепатитов, туберкулеза, алкоголизма, сепсиса, токсического поражения жизненно-важных органов, отека легких и других «коморбидных» (то есть — как правило, а точнее — неизбежно сопутствующих) наркоманиям заболеваний. Нет статистики по убийствам, но есть заявления ответственных руководителей МВД, что в Северо-Западной Федеральном Округе до 80% всех преступлений, связаны с наркотиками.

И это еще не все. Как известно, риск самоубийства у наркомана увеличивается в 350 раз (Россия на 2 месте в мире по числу самоубийств на 100 тыс. населения), а риск смертности в молодом возрасте у наркомана больше в 30 раз. Добавим к этому, что если алкоголизм сокращает жизнь на 10–15 лет, то в результате наркоманий сокращается не жизнь, а ее предельная (остаточная) длительность — в среднем до 5–10 лет с момента начала зависимости. Наркоманы старше 40 лет на учете в наркодиспансерах встречаются в единичных случаях — и не потому, что вылечились или образумились: они не доживают до этого предельного возраста.

Смертность от наркотиков в России только к 1999 году (более поздних данных нет) увеличилась в 12 раз, а среди несовершеннолетних — в 42 раза. Это еще не повод для общенациональной тревоги?

Стоит ли посылая проклятия наркодилерам?

В обществе, впрочем, как и у самих наркоманов, существует весьма негативное отношение к наркодилерам. Счи-

тается, что именно они вовлекают молодежь в наркоманию и именно им посылают проклятия сотни тысяч родителей. Но, как свидетельствуют систематические исследования ведущих зарубежных специалистов, это один из мифов. Первое предложение и первая «проба» наркотика обычно связаны с близким знакомым, другом, родственником и даже, как сообщали некоторые из моих коллег — в качестве единичного случая — со школьным учителем. То есть — наркотическая опасность поджидает ребенка не в подъезде и не на улице, а чаще всего в семье, в школе или вузе. А затем уже не наркодилер выбирает свою очередную жертву, а она сама ищет его зловещую фигуру. В некотором смысле, мы имеем здесь все тот же «сетевой маркетинг» или рекламу и распространение «товара» от человека к человеку. Если еще точнее — своеобразный вариант эпидемического процесса, как при гриппе, при этом распространение «заболевания» происходит преимущественно в «инкубационный период», когда будущий наркоман только «познал» позитивный эффект первых доз, и еще не столкнулся со всей массой негативных.

Виновата ли семья? Безусловно, виновата. Именно в семье должно формироваться антинаркотическое мировоззрение и установка на «никогда и ни при каких условиях», но для этого также нужна принципиально другая государственная политика, о которой еще будет сказано ниже.

Но даже если такой государственной политики не будет, мы должны делать все возможное для повышения личной ответственности родителей за информированность их детей. Хорошо известны случаи, когда родители не пускают детей в школу в течение карантина по гепатиту, дизентерии или обычному гриппу. Но, даже точно зная, что в классе или учебной группе есть наркоманы, многие считают, что это проблема только этих детей и только их родителей. Какое заблуждение! Это уже ваша проблема и прямой повод тут же обратиться в попечительский совет школы или вуза. Мы имеем право ограждать наших детей от трансляции криминального и полукриминального опыта, связанного с оборотом и потреблением наркотиков.

Мы имеем право не допускать их даже пассивного участия в качестве свидетелей медленного самоубийства. Влечение к смерти — это не миф, и этим можно заражать (чему подтверждение групповые и массовые самоубийства). Все возможности для заражения должны быть исключены. Мы же не считаем поражением в правах немедленную изоляцию от здоровых детей ребенка больного холерой, чумой или птичьим гриппом? Почему мы так терпимы к наркоманам? Почему мы не учитываем, что даже минимальные дозы могут вызывать непредсказуемые действия наркомана, в том числе — агрессивные, вплоть до убийства ни в чем не повинных окружающих? Почему мы так пассивны перед этой угрозой?

Ограничения или тотальный запрет?

Практически все страны мира имеют законодательные ограничения на оборот наркотиков. Особенно много изымается наркотиков органами таможенного контроля. Однако расчеты показывают, что изымаемые и потребляемая часть «зелья» соотносятся как 1:10. А, учитывая вышеупомянутые прибыли (только со стороны 11–25-летних — 2,7 миллиарда долларов в год), уровень зарплат и коррупцию в правоохранительных органах (более 100 сотрудников МВД, осужденных за участие в преступном обороте наркотиков только в 2003 г.), вряд ли «просто ограничительные» меры будут эффективными. Ограничение или запрет — это вопрос, как уже отмечалось, не просто политики, а вопрос государственной морали. Сейчас общество уже явно осознает свою уязвимость перед все более грозной экспансией наркомафии. Более того — в обществе (и как говорят коллеги — даже у сотрудников МВД) присутствует страх перед ее силой. Общество уже даже не удивляется, когда в отношении последней, особенно ее «верхушки», принимаются полумеры. Но это вопрос только общественного

терпения и времени. Когда в обществе открыто существуют хотя бы несколько человек, обогатившихся на лишениях других людей, общественная мораль, естественно, снижается. Но у этого снижения есть свой порог. И однажды он будет перейден. При этом или государство упреждающе возьмет на себя функцию восстановления общественной морали, либо общество заставит это сделать.

Деньги и власть неразделимы. И пока доходы наркобизнеса будут соизмеримы с бюджетами противостоящих ему министерств, ничто не сможет ограничить власть первого. И властные структуры, и общество будут вести «оборонительные» операции, без какой-либо надежды «взять новые рубежи», что хорошо известно из военной стратегии: наступательная операция предполагает двух-трехкратное превосходство в живой силе, огневой мощи и поражающих средствах. Плюс общественное движение. В мирное время — это полный аналог партизанского движения в военное, и это не мифическая сила: общество должно сделать все, чтобы земля горела под ногами «захватчиков», не пугаясь неизбежного (но столь же необходимого в создавшейся ситуации национальной угрозы) отделения здоровой части общества («своих») от его врагов.

Возможно ли сплочение нации на этом направлении? Безусловно. Но вначале нужна политическая воля и *постепенный переход* к полному запрету на оборот наркотиков в любых формах и дозировках, кроме медицинских показаний и практики. Пока, в погоне за западными ценностями, мы «общими усилиями» (включая законодателей и наркомафию) обеспечили в этой сфере самый «широкий ассортимент», а нам бы здесь нужно создать самый настоящий «советский супердефицит». Если наркотики негде будет взять, то нечем будет и вовлекать. Тех, кто уже злоупотребляет, конечно, остановит только кладбище, но есть надежда, что в этом случае они станут меньше «делиться» этим ставшим гораздо более дорогим и менее доступным «дефицитом» с начинающими.

Почему именно *«постепенный переход»*, а не *«немедленный и полный запрет»*? Немедленный и полный запрет очень уязвим и без согласованной и многолетней позитивной динамики общественной морали, очень быстро и легко будут найдены многочисленные и убедительные поводы для отказа от него, как это уже было не раз с безудержным стремлением к «обществам всеобщей трезвости» «с момента того или иного указа». И, наоборот, скандинавский опыт постепенного (в течение десятилетий), но неуклонного ужесточения антиалкогольной и антинаркотической политики явно доказывает свою успешность. Цель должна состоять не только в постепенно усиливающихся ограничительных мерах, но и в преодолении инерции общественного сознания. К сожалению, пока в России наблюдается движение в обратном направлении.

Нужны ли запреты на профессии?

По данным Главного судебно-медицинского эксперта Министерства обороны России профессора В.В. Колкутина, в процессе боевых операций в Чечне употребляли наркотики 25% военнослужащих, а смертность от передозировки наркотиков и отравления алкоголем по всем вооруженным силам за последние годы возросла в 3 раза. Мы знаем, что наркоману вряд ли удастся стать космонавтом или даже просто летчиком — не пропустит комиссия. Возможно, наркоману будет не так уж просто попасть на должность оператора атомной станции, где также действуют строгие медицинские ограничения. А как насчет просто водителей? Или строителей? Или учителей? Или преподавателей вузов? Мы опять идем по пути «допустимого уровня общественной угрозы», а затем начинаем думать, как же нам бороться с тем, что нами же было разрешено. Уже упоминалось, что в некоторых (надеюсь — единичных) случаях первое предложение попробовать наркотик исходило от учителя. Но даже если бы такие предложения никогда не поступали — вне сомнения, прямая или косвенная

пропаганда запретного плода от учителя-наркомана всегда будет исходить. Мне известно, что в некоторых частных фирмах и вузах сотрудники и студенты подписывают договор, где предусматривается его расторжение в одностороннем порядке со стороны администрации в случае даже однократного употребления наркотика или отказа пройти тест на наркотики. А в государственной сфере?

Не раз приходилось слышать грозные «окрики», что требование к сотруднику или студенту пройти тест на наркотики является нарушением прав личности. Во многом, это обусловлено традиционным подходом к наркомании, как к заболеванию. Но вместе с тем на законодательной основе проводятся пробы на алкоголь у водителей, хотя алкоголизм также относится к заболеваниям. То есть — и здесь тоже речь идет именно о политической воле. Точнее — об отсутствии таковой. Откуда такая мягкость и стыдливость законодателей?

Нужен ли контроль или достаточно запрета?

Давайте представим, что мы ввели законодательный запрет на любое количество алкоголя в крови у водителей, но при этом не использовали бы никакого контроля. Что бы было? Абсолютное большинство не обратило бы на этот запрет никакого внимания. Всем известно, что любые наркотики запрещено продавать повсеместно, в том числе — в клубах, барах, на дискотеках и т. д., но всем также точно известно, что именно там их проще всего купить. Неужели никто не понимает, что запрет без контроля абсолютно не эффективен? Существуют ли популярные дискотеки, где вообще нет наркотиков? Действительно ли на ночные дискотеки допускают только совершеннолетних? Сколько дискотек было закрыто за бесконтрольную продажу наркотиков или допуск подростков? Мне известно, что только одно такое уголовное дело в 2004 году было заведено в Санкт-Петербурге, и неизвестен его исход. В 2005 году в Санкт-Петербурге закрыли клуб «Пещера», и даже по статье — «организация притона». А сколько таких притонов продолжает действовать? Откройте любое рекламное издание.

Наркоманы без «кайфа»

Никто не начинает употреблять наркотики с целью стать наркоманом. Вначале это просто интерес или бравада. И методы работы с этими начинающими «каикадзе» должны быть принципиально иными, и даже осуществляться они должны не наркодиспансерами. Нужны новые формы работы и новые учреждения, где молодежи будут последовательно разъяснять, что повышение потенции при наркомании, как это ни приятно, это лишь временный эффект, который затем перейдет в импотенцию; что толерантность к наркотикам (переносимость доз) будет последовательно возрастать, а кроме того — она не является постоянной величиной, и та доза, которая еще вчера был переносимой, сегодня может стать смертельной (хотя это еще никого не остановило); что за периодом безусловного «кайфа» при приеме все более возрастающей (в 10–20 и даже 100 раз) и, соответственно, все более дорогой дозы наступит стадия, когда «кайф» не может быть достигнут никакой дозой, а зависимость и потребность в постоянном поиске наркотиков будет диктоваться уже не поиском приятных ощущений, а только неизбежностью ломки, и затем так будет уже всегда! До самой смерти через 7–10 лет. Наука пока не знает, почему у одних первая проба наркотика проходит относительно безболезненно, а у 10% других с первой дозы возникает ничем не преодолимое влечение к наркотику на всю оставшуюся жизнь. Но кто войдет, а кто не войдет в эти 10% — предсказать не может никто.

Во всем ли виноваты «органы»?

Вопрос «Кто виноват?» уже давно стал одной из национальных забав. Что касается наркотиков, то здесь все (не без злорадства) обвиняют во всех смертных грехах

милицию и Госнарконтрль. Так ли уж они виноваты? Думаю, что в подходах к этой проблеме было бы целесообразно четко (законодательно) разделить две различные сферы, такие как «наркобизнес» и «наркдилерство». Пока есть основания предполагать, что основное внимание законодателей и, соответственно, специальных подразделений сосредоточилось на наркдилерах — конечном звене цепи, по сути — мелких предпринимателях, которые, образно говоря, «ходят под законом» и нередко хорошо известны представителям правоохранительных органов. В итоге — знают все, а сделать ничего нельзя. Казалось бы пустяковая проблема — всего-то две дозы. Но одна для себя, а другая — для нового друга или подруги, которым, возможно, как раз сегодня не повезет на всю оставшуюся жизнь. На этом фоне официально «дозволенного» уже не выглядит таким уж сумасшедшим неоднократно высказывавшееся в прессе предположение: а не финансирует ли наркомафия законотворческие процессы?

Некоторые авторы приводят данные (опять же — за точность поручиться сложно), что с января по май в России зарегистрировано 105 тысяч преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Много это или мало? Если 900 тысяч человек потребляют наркотики ежедневно, то за пять месяцев это составит 135 миллионов потреблений (при этом, напомним — «некоторые» потребляют сразу 20 и более доз). То есть, актов запретных «продаж» должно быть, как минимум, во много раз больше. Но возьмем хотя бы эту исходную цифру — 135 миллионов актов преступных продаж: 105 тысяч преступлений от 135 миллионов продаж составит 0,08%. Не густо. Сотрудники органов юстиции (например, профессор Ю.Солодун) приводит более «оптимистические» данные: нераскрытые дела по статьям, связанным с оборотом наркотиков (по отношению к зарегистрированным делам) составляют 96%, то есть — на «раскрытые» остается только 4%. Пойдем далее: до суда доходит 30% возбужденных дел, обвинительными приговорами завершаются только 20% (уже от этих 30%). Если перевести эту «цепочку» цифр в «натуральное выражение», то до суда доходит все те же менее 1% дел. Что это за законодательство? Оно написано для граждан или для наркомафии? Кто все-таки должен ответить за это — милиция или законодатель? Не пора ли потребовать более широких полномочий для органов охраны порядка и Госнарконтрля? Конечно, здесь многое связано с доверием к последним и к власти в целом. Но, может быть, уже пришло время слегка рискнуть и довериться? Альтернатива ползучего наркотического порабощения нации куда страшнее. Но без восстановления доверия к милиции ничего не получится.

Наркобизнес и наркдилерство

Мы привыкли к смысловой связке двух вынесенных в заголовок терминов. Но в отличие от уже упомянутого выше наркдилерства, наркобизнес — это, безусловно, особый, высокотехнологичный и один из самых высокодоходных видов современного химического производства, судя по всему, не столько «ходит под законом», сколько активно действует под самыми надежными «крышами».

Трудно не удивляться, когда СМИ регулярно показывают нам малообразованную цыганскую семью, живущую в трехэтажном сарае, в подполье которого обнаруживается 2–3, а то и 10 килограммов героина, и выдают этих несчастных за современных «наркбаронов». Это что — именно те люди, которые владеют миллиардами, организуют меж-

дународный трафик десятков и сотен тонн самых «чистых» препаратов, управляют современными химическими производствами и многомиллионными рынками сбыта в каждом регионе?

Удивляет, что при смехотворной дешевизне и простоте производства наркотиков, мы чаще всего слышим только о килограммах задержанных на таможне или о «подпольных лабораториях», организованных некими студентами на кухне. Трудно поверить, что в России циркулируют тысячи тонн исключительно ввозимого «товара». Может, стоит задуматься и об этом?

Еще один аспект. До 80–90% героина поступает, например, в Северо-Западный Федеральный Округ из Афганистана. При этом огромные усилия тратятся на пресечение наркотрафика и предотвращение (из официальных источников) «перемещения наркотиков в «мелкооптовый» и «розничный» оборот», так как товар (уже максимально приближенный к потребителю!) в последних двух форматах, по сути, уже охраняется законом. Можно ли придумать большее кошунство?

Вероятно, кого-то поразят цифры «сотни и тысячи» тонн. Не стоит поражаться. Еще в конце 80-х годов XX века в Советском Союзе констатировалось, что в стране уже сформировалось преступное сообщество наркоторговцев, а оборот наркотиков в тот, уже давний, период оценивался в 500 тонн наркотиков в год. Если принять, что потребление за последующие десятилетия выросло даже не в 50 раз, а только в 10, то уже нужно говорить о 5 тысячах тонн.

Кое-что из области экономики

Если ежедневно потребляют наркотики около 900 тысяч молодых россиян, а стоимость одной дозы составляет около 600 рублей, то ежедневный доход наркомафии составляет 54 миллиона рублей в день или 6,5 миллиарда рублей в год (хотя другие авторы приводят цифры в 10–15 миллиардов рублей в год).

Себестоимость производства 1-го грамма амфетамина в Литве (еще один наш поставщик) составляет 1 евро, а в Калининграде этот грамм продается уже, как минимум, за 15–17 евро. Доходность — 1700%. Может быть, рекомендовать нашим законодателям перечитать позабытого Маркса? Он приводит гораздо меньшие цифры, за которые капиталист пойдет на любое преступление.

Совершенно очевидно, что этим бизнесом владеют и управляют не полуграмотные цыгане, а крупнейшие и хорошо организованные криминальные структуры, которые, безусловно, связаны с коррумпированными властями, как в странах-производителях, так и потребителях. Здесь даже гадать не нужно. И то, что ими делается ради наживы нельзя квалифицировать иначе, как наркотеррор против нашей страны. И меры должны быть соответствующими.

Как мы способствуем вовлечению в наркоманию?

В этом разделе, прежде всего, нужно упомянуть бесконтрольную и никем не дезавуируемую рекламу, преимущественно частных фирм, декларирующую 70 или 90% успеха при лечении наркоманов. Это ничем не прикрытый обман! Реально — самые лучшие российские центры говорят, максимум, о трехлетней ремиссии у 20–25% (и это безусловный успех полунитицей отечественной наркологии)⁶. Если говорить о годовой ремиссии, то таких случаев в отечественной практике сейчас уже бывает до 40%. Хотя, по данным проф. Е. М. Крупницкого, на сегодняшний день верифицированный уровень 6-месячных ремиссий не превышает 10%, а годовых — еще меньше. Но никаких 70 и 90%. Почему ведущие специалисты-наркологи не противодействуют этому?

6 В США, где наркология много богаче и, соответственно, развивается, учитываются только 5-летние ремиссии, а некоторые из ведущих центров сообщают об эффективности 70% при затратах на лечение и реабилитацию одного наркомана от 20 до 40 тысяч долларов в год.

Ведь молодые люди искренне верят, что: «Если уж не смогу бросить сам, то меня обязательно вылечат!» Никогда! Пока возможно довести пациента только до относительно длительной ремиссии. И это тоже огромный успех.

Попробую назвать две причины стыдливого молчания официальной медицины. Во-первых, признать, что излечение от наркоманий пока невозможно, значит поставить под угрозу государственное финансирование всех исследований в этой сфере. Такое решение вероятно, хотя это было бы глупо и недальновидно. Поэтому еще раз подчеркнем — лечение пока невозможно, и финансировать и исследования, и разработку методов лечения нужно. И больше, чем это делается сейчас. Во-вторых, лечение наркоманов (где постоянно растет прослойка «золотой молодежи» и выходцев из самых состоятельных семей) стало самостоятельным бизнесом с высоким доходом и пока только вероятным успехом (20–25%). И этот бизнес, иногда именуемый (по аналогии) «наркологической мафией» активно развивается даже под эгидой государственных служб и наркодиспансеров. То, что это реально существует, не подлежит сомнению. В качестве подтверждения можно привести «петербургский случай» 2004 года, когда один из высших руководителей наркологической службы северной столицы приказал убийство другого.

Хочу отметить, что, зная многих специалистов в области наркологии, должен со всей ответственностью сказать, что в своем большинстве это очень приличные люди с высочайшим гуманитарным потенциалом. При этом ответственные наркологи совершенно четко говорят своим подопечным: «Мы не вылечиваем, мы даем надежду».

Может быть, стоит сказать об этом честно — всем, включая потенциальных наркоманов, которые надеются, что «в крайнем случае» их вылечат? И подчеркнуть, что надежда эта пока что «очень зыбкая». И есть сомнения, что это положение сильно изменится в ближайшем будущем. Особенно, если учитывать, что диагноз наркомании, как минимум, в 60% случаев тут же «дополняется» СПИДом, гепатитом, туберкулезом и другими неизбежно сопутствующими заболеваниями, а прогноз наступления смерти в этом случае составляет, в среднем — 7–10 лет.

Стоит особо остановиться на последнем тезисе. Учитывая, что мы пока не излечиваем наркоманию, а наркологов явно меньше, чем требуется, несмотря на определенный цинизм этой фразы, нужно признать, что уменьшение числа наркоманов пока может идти преимущественно одним путем — путем их естественной смертности. Профилактика и пропаганда, если она будет массовой и профессиональной, в ближайшие годы может незначительно снизить только прирост, но не число уже имеющихся наркоманов. Можно, конечно, надеяться, что 20% «активных» перейдет в стадию ремиссии, но это только в случае принципиально новых подходов к организации, материальному и финансовому обеспечению наркологической службы (и не только в столицах, а по всей России).

Сколько стоит лечение и достижение ремиссии?

Не будем подробно излагать специальные вопросы. Посмотрим, а реально ли вообще для среднестатистического (11–25 летнего, неработающего) наркомана достигнуть хотя бы какого-то положительного эффекта? Приведу только одну цифру: представитель ООН — Коорди-

натор российского регионального проекта по снижению спроса на наркотики госпожа Сигне Ротберг представила в 2004 году на анти-наркотическом Конгрессе в Санкт-Петербурге данные, что для эффективного лечения одного наркомана (для достижения относительной ремиссии) требуется, как минимум, от 5 до 40 тысяч долларов в год (мелее — не эффективно). Мы что — имеем такие средства? Если взять только 4,2 миллиона уже существующих 11–25-летних наркоманов и только минимальную сумму для лечения и реабилитации — 5 тысяч долларов в год, то потребуются 21 миллиард долларов. Не силен в математике, но это что-то около пятой части годового бюджета России на 2004 год.

О реабилитации наркоманов

Как сообщил членам Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ профессор Н.Н. Иванец, действующие реабилитационные центры для наркоманов «пока не заполняются», а эффективность их работы «оставляет желать лучшего». Очень честное мнение руководителя Национального научного центра наркологии. Но почему это происходит? Думаю, что в отличие от здоровой части общества, наркоманы в большинстве случаев знают, что это не сильно помогает и очень дорого стоит. И здесь опять может быть неадекватное решение — ликвидировать или ограничить финансирование. Это также было бы большой ошибкой.

Для понимания сути вопроса нужно вначале признать, что добровольное или принудительное (что всегда хуже) лечение и реабилитация практически не снижают уже имеющееся в обществе число наркоманов (как уже отмечалось, есть только возможность достижения ремиссии, но диагноз остается). На учете в Министерстве здравоохранения, по оценкам экспертов, состоит не более 10%, а в реабилитационные центры попадают и того меньше. Но лечение и реабилитация обеспечивают временное снижение уровня потребления именно этой группой лиц, иногда на срок в несколько месяцев и даже лет, и в это время наркоман, с одной стороны, становится полноценным гражданином и может быть самым лучшим проводником анти-наркотической пропаганды, а с другой — он выпадает из оборота наркотиков и не вербует новых «пользователей» (в то время как, обычно, это составляет от 3–5 до 20–30 «новобранцев» на одного сидящего на игле).

К лечению и реабилитации, как правило, обращаются уже «запущенные случаи», когда «кайфа» уже нет, а страх ломки остается пожизненным, да и весь букет сопутствующих заболеваний уже присутствует. Таким образом, здесь речь идет уже не только о терапии; в ряде случаев мы должны прямо говорить о гуманной акции общества, по сути — в отношении уже обреченных. Те, кто считает, что ни они, ни их близкие никогда не окажутся в этом числе, конечно, проголосуют против. Но мудрых должно быть больше.

Есть ли у нас концепция и стратегия?

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок, следует признать, что проработанной концепции и стратегии борьбы с наркоманиями у нас пока нет. Более того, нас пытаются настойчиво убедить в том, что обществу ничего не остается, как только привыкать жить в мире, начавшемся наркотиками.

Не верю.

10.04.05